

АДЕЛАИДА

ДАРИНА СТРЕЛЬЧЕННО
Родилась в 1995 году. Окончила глазовский физико-математический лицей и Московский инженерно-физический институт. Журналист, писатель,

нопирайтер. Автор более сотни рассказов и трех книг в жанрах фэнтези, антиутопии и мягкой научной фантастики. Победитель премии «Новая фантастика» (2022).

– Ада, – крикнул я, – свари кофе!
Вместо того чтобы послушно загреметь туркой, она недовольно попросила:
– Не называй меня Ада.
Но все же отправилась в кухню.
Странные пошли роботы, однако.
– Ада, как тебе новый сезон «Рассказа служанки»?
– Я же просила: не называй меня так! – раздраженно проговорила она. Поправила волосы из канекалона и примирительно произнесла: – Аделаида. Несложно, правда?
– Слишком длинно.
– Люди совсем разучились запоминать, – хмыкнула она. Матово блеснуло полихлорвиниловое веко – совсем как настоящее.
– Ада... Аделаида! Срочно скорую! Площадь Карнавалов...
– ...Тринадцать, квартира двадцать пять, – подхватила робот. – Я вызвала. Уже. Слышала, как ты звонил маме. Судя по тому, что она описала – просто отравление. Все будет в порядке. Не переживай.
– Спасибо, Ад... делаида...
Я начал подозревать, что с ней что-то не так, в первый же вечер. Она сразу же начала обращаться ко мне на «ты»; иногда подкалывала; часто капризничала, когда я ставил ее на зарядку. Дальше пошли эти выкрутасы с именем – а ведь по до-

кументации универсусам вообще плевать, как их зовут. А потом она интерпретировала мой разговор с мамой и, предупредив мою просьбу, вызвала врача. Я перечитал инструкции и убедился: хики-роботам такая эмоциональная интерпретация недоступна.
Тогда-то я и решил показать ее специалисту.
– Ты оделась?
– Тебе больше нравится синее платье или зеленое?
– Зеленое.
Для робота, призванного стать идеальным компаньоном, вопрос вполне стандартный. Нестандартно вышло, когда Ада появилась из гардеробной в синем.
– Я же сказал, мне больше нравится зеленое.
– А мне – синее, – улыбнулась она и пошла открывать дверь: Вадим, вопреки ожиданиям, явился минута в минуту.
– Привет, привет! – Он кивнул мне, галантно поклонился Аде. – Что там у вас стряслось? Барахлит зарядник?
– Ничего у меня не барахлит, – насторожилась Аделаида.
– Не барахлит, не барахлит, – кивнул я. – Сделай нам кофе.
– Не бережешь сердце, – вздохнула робот и скрылась за стеклянной дверью кухни.

- Нравная она у тебя, – заметил Вадим, вешая на крючок пальто.
- Вот именно. Даже слишком... Осмотри ее, а? Мне кажется, шалит центр эмоций...
- Усыпляй. Посмотрим.
- Боюсь, придется подождать, пока кончится зарядка. Заикнешься о выключении – сразу истерика...

Вадим проводил мелькнувший за стеклом силуэт задумчивым взглядом. Пожал плечами.

- Могу попробовать договориться.
- Попробуй... – без особой уверенности кивнул я.

Вадим исчез в кухне, а через пять минут вышла Аделаида, быстро глянула на меня и шепнула, что разрешает себя усыпить. Села в кресло, растегнула на спине платье, позволила нажать на не приметную стандартную родинку под лопаткой. За несколько секунд, прошедших до того, как она заснула, ее зрачки расширились; если бы речь шла о человеке, я бы сказал, что в них мелькнул страх.

- Я быстро, – обнадежил ее Вадим, и Ада уснула, но не закрыла глаза, как делают во сне люди, а бесстрастно уставилась в потолок.
- Нуте-с, нуте-с, – забормотал друг, стягивая с ее лопаток покрытую канекалоновым пушком кожу, – что тут у нас... С эмоциями все в порядке, центр работает. С реакциями тоже все хорошо. Давай посмотрим центр переосмысления. Нуте-с... нуте... Мля, Дима! Крышка сорвана!
- А?..
- Шель. Шелочка. Клапан пропускает.
- Какой клапан? Попроще можно?

Вадим отстранился от Ады. Хмуро глянул в потолок. Напряженно спросил:

- Никогда не задумывался, что отличает работа от человека?
- Мысли? Чувства? – глуповато предположил я.
- Мысли и чувства им впаивают на заводе, – ответил друг, опасливо заглядывая в глаза спящей Аделаиде. – Но все эти мысли и чувства – стандартные. Предустановленные. Если роботу сказали, что убивать – это плохо, то он будет считать так до самой утилизации, и ты его не переубедишь. Просто потому, что на центре переосмысления опыта стоит блок. У твоей, – Вадим показал на Аду, – крышка прилегает к клапану неплотно. Она не переосмысляет весь новый опыт, но кое-что просачивается. Кроме того, посмотри, сорвана пломба. Но не срезана, а просто отошла и к тому же исцарапана. Скорее все-

го, из-за механического воздействия вроде вибрации.

- И как так случилось? – спросил я, чувствуя, как мерзко покалывает кончики пальцев.
- А где ты ее брал?
- В «Шелковой дороге».
- Тогда, может быть, из-за тряски. У нелегальных поставщиков нет фирменных контейнеров с креплениями, вот и возят роботов, как дрова. Случай, конечно, один на миллион. Но...
- И что мне теперь делать?

Вадим пожал плечами. Я растерянно подошел к Аде, взял кабель, поднес к спрятанному под волосами порту на шее.

- погоди, – велел друг. – Ты понимаешь, что это частичное воодушевление? Нужно либо убрать, либо узаконить...
  - Убрать? – переспросил я, глядя в бледное, безмятежное, почти человеческое лицо.
  - Дим. Это незаконно вообще-то. Блок снимают только у роботов, которые призваны заменить умерших людей. Чтобы они учились вести себя похоже на тех, кого заменяют... А у остальных это нельзя.
  - И что делать? Если я не хочу... убирать?
  - Подай заявку, что у тебя кто-то умер из близких и ты хочешь их прототип.
- Я присвистнул.
- Сколько та заявка стоит! Я за сто лет не наскребу.
  - Тогда не свети ее, – кивнув на Аду, посоветовал Вадим. – С собой не води, гостей не зови. Если никто не узнает, ничего и не будет.
  - А если узнает?..
  - Штраф, – развел руками Вадим. – И изъятие робота.
  - А что мне ей сказать? Когда проснется?
  - Скажи, что пыль почистил на клапане эмоций. Это стандартная процедура, она должна знать...

* * *

- Дим.
- Я вздрогнул. Ада еще никогда не звала меня по имени.
- Обернулся.

Она лежала в кровати, укрывшись до носа. В свете бра я разглядел припухшие веки, красные щеки, лихорадочно блестящие глаза. Если бы Ада не была роботом, я сказал бы, что она выглядит как самый настоящий прихворнувший человек.

- Что? – как можно мягче спросил я, подкатываясь к ней вместе с креслом.
- Не выключай меня больше.
- Я и не собирался.
- Не выключай, пожалуйста.
- Что такое, Аделаид? Даже если выключить, ты же все равно проснешься, как только подключишься к сети.
- Понимаешь, – она приподнялась на локте, поймала мою руку, прижала к щеке, – я испугалась сегодня. Это очень холодно – засыпать. У меня такое чувство... что если отключат, то я уже не включусь.
- Я погладил ее пальцы, поправил одеяло.
- Никто тебя не отключит. Все будет хорошо.
- А что сказал твой друг?
- Я же тебе объяснил. Просто почистил пыль на эмоклапане, проверил схемы...
- Нет. Ты не понял. Я имею в виду – что он на самом деле сказал? Я же чувствую, что эмоклапан не трогали. – Аделаида нетерпеливо дернула плечом. – Я бы поняла, если бы он что-то чистил.
- Ну... Слушай, ты лучше у него спроси. Мне он именно так сказал.
- Ада посмотрела на меня грустно и с обидой.
- Я же даже в выключенном состоянии воспринимаю волны – вы ведь не поставили общую блокаду. Я проснулась и интерпретировала...
- Она помолчала, мягко улыбнулась и виновато добавила:
- Я же чувствую, когда обманывают.

* * *

Зря я позвал Вадима. Он открыл мне глаза. А может, его действия сделали щель в клапане еще шире: теперь я отчетливо видел, как Аделаида меняется, становится все умнее, все человечней. Она жадно вбирала и интерпретировала новый опыт, все меньше походя на сошедший с конвейера прототип, все больше напоминая индивидуально настроенного антропоморфа.

Совет не показывать ее людям плохо сошелся с целью, для которой я приобрел Аду. Для покупки, пусть даже в «Шелковой дороге», мне пришлось влезть в долги, и теперь нужно было отдавать кредит, жить самому, содержать робота... Отказаться от работы выглядело немислимым. Так что я продолжал шить шмотки, а Ада каждый день выходила на подиум, чтобы вертеться перед экспертами и позировать фо-

тографам, клепавшим объемные натуры для виар-шопов.

Сказать, что я жалел о ее покупке, – соврать. Своя модель – это настоящая роскошь: пропорции, которые можно подкрутить в соответствии с продукцией, походка, которую можно скорректировать в зависимости от подиума, коллекции и предпочтений жюри, безлимитные примерки и возможность перенастраивать внешность без страха испортить арендованного робота. Кроме того, она была нужна мне для Недели робо моды. Если меня заметят, пойдет уже совсем другая история: не придется выбивать заказы, выскидывать жилье по дешевке, обходиться стандартными материалами... Я получу допуск к цифровой материи, если повезет – возьму заказ на разработку моделей для конвейера... А это уже совсем другие деньги! Совсем другие перспективы...

От мечтаний разморило; я чуть не проглотил зажатую во рту булавку и спустился с небес на землю.

Чтобы все получилось, предстояло пахать и пахать.

Я готовил коллекцию для Недели робо моды ночами – Аде было хоть бы хны, а я жестко недосыпал, но желание пробиться перевешивало все. Тем более на первых порах мы с ней сработались просто отлично. Я смог творить почти круглосуточно, подновил и выставил на продажу старые коллекции: на подтюненной Аде даже прошлогодние шмотки выглядели вызывающе аппетитно. К концу квартала почти выплатил кредит, купил ей мощный зарядный блок, мы слетали в Египет. Дальше пошло еще круче. А потом... Потом и проявилась ее нравность.

Впрочем, я оказался нравен не меньше, в один из вечеров подумав, что мне совсем не хочется, чтобы Ада выходила на подиум. От мысли, что на нее вновь будут пялиться жюри, спонсоры, эксперты и – в отдалении – толпы чужих мужиков, подкатывала тошнота.

Я тряхнул руками и выругался. Ада ойкнула: я случайно уколол ее иголкой.

- Прости!
- Задумался?
- Ага...

Я посмотрел, как она глядится в зеркало, как трогает подшитый низ платья, ощупывая ткань длинными загорелыми пальцами. Решил, что Неделю робо моды мы отработаем на двести процентов.

А потом заляжем на дно.

Ада дергала меня,
звала в кафетерий,
в зону интерактива,
просилась познакомиться
с другими моделями, но
я отмахивался, заставляя
ее сидеть рядом.
На субботу был назначен
наш выход, и я страшно
нервничал, что с ней
что-то произойдет.
Подпортить чужую модель –
на таких мероприятиях
это считалось едва ли
не хорошим тоном.

* * *

В понедельник отгремело оглушительное открытие. Салют, фонтаны шампанского (Ада попробовала, но сказала, что ей не понравилось), фуршет, блеск чужих коллекций... Я рассматривал их с замиранием сердца: изучал фактуру, швы, покрой, лекала. Раньше я мог разглядывать шмотки только на экране, но в этом году у меня появился робот, и я наконец купил билет: дизайнеров пускали на выставки только в паре с моделями.

Вторник и среду я не отрывал взгляда от подиума: шли коллекции корифеев. Ада дергала меня, звала в кафетерий, в зону интерактива, просилась познакомиться с другими моделями, но я отмахивался, заставляя ее сидеть рядом. На субботу был назначен наш выход, и я страшно нервничал, что с ней что-то произойдет. Подпортить чужую модель – на таких мероприятиях это считалось едва ли не хорошим тоном.

Весь четверг я подшивал, подгонял, перекраивал и наводил лоск на свою собственную коллекцию. Аделаида нервничала: видимо, мое лихора-

дочное состояние передалось и ей. К вечеру мы заказали таксокар и повезли коллекцию в павильон. Зашли со служебного входа: с парадного, из-за репортеров и гостей, было не пробиться. Я миновал турникет; держа на весу бесценный вакуумный пакет со сжатой одеждой, прошел уже десяток шагов, когда услышал сзади испуганное и беспомощное:

– Дима!..

Оглянулся. Ада растерянно стояла перед турникетом, такая красивая, непорочная и яркая в дерзком неоновом свете, а за локоть ее держал дубина-охранник.

– Просрочена лицензия, – скрипуче заявил он.

Я запрокинул голову, выругался про себя, сжал бы кулаки, если бы руки были свободны. Как некстати! А ведь говорил себе, что нужно проверить... Лицензия действовала год и активировалась на следующий день после покупки робота. Но мастера «Шелковой дороги» часто проводили оживление по лицензии другого робота – уже списанного, но еще не утилизированного. Ада оказалась не исключением...

– Просрочена лицензия, – повторил охранник.

На робота было жалко смотреть.

– Это я виновата... – всхлипнула Ада, забиваясь в угол таксокара.

– Да при чем тут ты, – буркнул я. – Я же хозяин... Нужно было позаботиться.

– Я могла напомнить... Забыла...

Нормальные хикки-роботы о таких вещах не забывают – что еще раз доказывало, что Ада – не нормальна.

«Не свети ее» – вспомнил я слова Вадима. Потом вспомнил, какой гонорар полагался за выступление на Неделе робошопы. Вспомнил, какие открывались перспективы.

Живут же люди с роботами-нелегалами. Как-то решают проблемы с лицензией. Не я первый, не я последний.

– Аделаида.

Она вскинула голову; в глазах вспыхнули огоньки пронесившейся мимо ночной столицы.

– Собери свои документы. И запиши меня в МФЦ на завтра. На самый поздний слот.

* * *

– Добрый день. Мне нужно обновить документы на замещающего робота.

– По утере или по графику?

– По графику.

Я протянул в окошко папку с бумагами Аделаиды, мысленно повторяя легенду.

Если верить статистике, вечером пятницы служащие бывают не очень расторопны и не слишком внимательно всматриваются в документы. Но, увы, мне попалась служащая иного сорта. Несмотря на то что ее коллеги в соседних окошках уже гремели стульями и натягивали плащи, она помахала моей папкой и воззрилась не без сомнения:

– Это не замещающий робот.
– О, извините... У меня их два, один замещающий и один хикки. Видимо, перепутал... Прошу прощения.

Я протянул руку, но служащая не спешила отдавать папку.

– Вы в курсе, что лицензия на... – Она быстро взглянула в паспорт и снова воззрилась на меня: – Аделаиду просрочена?

– Мм... возможно. Я займусь этим, – пообещал, берясь за уголок папки.

– Вы знаете, что владение роботом без лицензии влечет за собой административную ответственность?

– Да, да. Прошу прощения. Я займусь этим завтра же... Вернее, в понедельник, с самого утра.

Служащая резко дернула на себя папку и бросила паспорт Аделаиды на сканер.

– Я поставлю вас на контроль.

– Мм... Мы можем обойтись без этого? – улыбаясь самой очаровательной улыбкой, про которую Ада говорила – лорд, – спросил я.

Внутри медленными ледяными пузырьками надувалась паника.

Можно было перегнуться через барьер окошка, дотянуться до паспорта, схватить папку и убежать. Но индекс Ады уже мерцал на мониторе. Побег означал бы мгновенный приговор.

Кляня себя за то, что позарился на гонорар за Неделю робомады и вообще пошел в МФЦ, я отчаянно повторил:

– Мы можем обойтись без этого? Мой второй робот... Он замещает маму... Я... В последнее время я был слишком подавлен, выпустил из виду продление лицензии...

– Сочувствую, – железным тоном ответила тетка, снимая паспорт со сканера и наконец отдавая мне документы. – Ждем вас с Аделаидой в понедельник для постановки на лицензионный учет. Перед процедурой рекомендуется провести откат к заводским настройкам.

– Зачем? – похолодев, спросил я.

– Перед продлением лицензии хикки-роботов возвращают к стандартным параметрам. Лучше заранее сделать это дома – потратите меньше времени здесь.

Я вышел из МФЦ, ничего не видя перед собой. Чуть не навернулся со ступеней. Солнце жгло, раскаленным шаром вертясь в зените.

* * *

Аделаид, я задержусь. Разбери почту и отмени все заказы на завтра.

– Да, конечно, – чуть запыхавшись, ответила Ада. Я слышал стук, шорохи и шкварчание – очевидно, она готовила обед.

– Ты надолго?

– Час-два.

– Как раз дойдет запеканка. Ой! Молоко убегает... Отключаюсь!

Я представил, как она машет полотенцем, выгоняя из кухни запах гари, нервно улыбнулся и набрал Вадима.

– Слушай... Ты говорил, у тебя знакомый полиграфист. Сможет он подсобить с бумагами? Да... Просто отпечатать. Так, чтоб неотлично от оригиналов. Да хоть сколько... Наскребу. Хорошо. Еду.

* * *

День давно перевалил за половину. Пронзительно, весенне щебетали птицы. Я вышел из мрачного подвальчика типографии и снова набрал Вадима.

– Ничего не вышло. У твоего друга нет светокраски для штампов.

– Жаль, – после паузы ответил друг.

– Поеду туда, где покупал Аду, – медленно, больше себе, чем ему, сказал я. – Поищу пустые готовые лицензии.

– У тебя есть с собой электрошокер хотя бы? Без него туда лучше не суйся.

– Спасибо за науку...

Я набрал Аделаиду. С языка почти сорвалось: закажи электрошокер на угол Николаямской и Синего шоссе. Но в последний момент, побоявшись напугать ее, я выпалил:

– Привет! Прости, все еще задерживаюсь. Сможешь зарядиться без меня?

– Да, конечно, – растерянно ответила Ада. – Запеканка остыла уже...

– Прости. Спешу, как могу.

* * *

День катился к вечеру, под палатками и пыльными козырьками киосков уже сгушалась мгла. Я шагнул, минуя шопы, подпольные казино, цветочные лавки, лотки с масками и искусственными частями – для людей и роботов. Из кабаре с окнами в пол неслась сладкая, густая волна музыки и ароматов. Боясь прилипнуть, я поскорей проскочил мимо, но все же не смог не задержать глаз на сцене за стеклом: снаружи к стене прибило грязь, огрызки и месиво брошюр, зато внутри сверкали огни, и девушки в блестящих диадемах и нарядах из перьев танцевали канкан. Их руки, ноги, павлиньи хвосты и разукрашенные лица мелькали так быстро, что было не различить, роботы это или люди.

Я встряхнулся. Краем глаза заметил позади двух типов в темных толстовках. Они шли за мной от самого входа на рынок; может, и не зря Вадим посоветовал шокер.

Я аккуратно повращал в карманах кулаки, повертел головой, разминая шею, и с облегчением заметил на углу кабаре нужный символ. В минувшие два часа мне понадобилось пять звонков и два крупных перевода со счета на счет, чтобы узнать, как он выглядит.

Уже не думая о мрачных парнях, я свернул в проулок. Пробрался в тесный, похожий на душевую теплицу шоп, закашлялся от привкуса специй и, жмурясь от сияния мелких кристаллов, заявил бледному, с раскосыми глазами продавцу:

– Мне нужна лицензия на работа. Такая, чтобы не отличить от настоящей.

– Нет такого. Цветы продаем. Цветочки только. Вербена, джусай, кровохлебка. Цветочки, нет лицензий.

Я хлопнул себя по лбу. Идиот.

– Я от Вениамина Каверина.

Чувствуя себя дурак дураком, процитировал:

– Последняя минута тишины – выходит в город поезд из депо...

– Вперед! В зеленый шум, в еловый вой! – подхватил продавец тут же разулыбался, кивая мне, выставляя на прилавок плошку с орехами и дымящуюся чашку: – Пей! Ешь! Отдыхай! Предоставь все мастеру Си!

Он шлепнул на дверь табличку «Занят» и скрылся за звенящими занавесками из янтарных бус. Я упал в продавленное кресло в уголке; не глядя, влил в себя теплое пойло. Впервые с тех пор, как Вадим сказал, что Ада незаконна, я почувствовал себя чуть спокойней.

– Для хороших друзей – что угодно! – щебетал продавец, грохоча и копаясь. – Мастер Си – мастер на все руки... Лицензия, сертификат, архивировать, память восстановить...

Я достал телефон, чтобы набрать Аделаиде, но мастер Си, дополнительные глаза которого, вероятно, были вмонтированы в прилавок, крикнул: – Тут не ловить. Тут все перекрывает, по всему рынку...

* * *

– Аделаид.

– Дима? Дима, где ты? Пытаюсь до тебя дозвониться, ты не берешь...

– Аделаид. Я тебе все объясню. Я уже совсем скоро поеду домой. Совсем скоро.

– Дима... Я видела, ты заказывал электрошокер. Где ты?

Голос Ады звенел. Я вдохнул и постарался ответить как можно спокойней:

– Милая. Закрой двери на ночь. На звонки не отвечай. Я тебе все объясню. Тебе ничего не угрожает, но просто, на всякий случай, поставь ночную защиту... Как обычно. Я скоро буду. Жди.

* * *

Я вошел в наш холл, когда темнота уже напиталась мерзкой, опасной чернильной дымкой. Шелкнула дверь, и Аделаида выскочила навстречу – босая, в одной ночной сорочке.

– Я же велел закрыться на все замки...

Ада, не отвечая, бросилась ко мне и прижалась, вся дрожа.

– Ну что ты... ну чего... Со мной ведь все хорошо...

– Ты был на катийском рынке... Я послала проверить... Несертифицированный шоп... Я не нашла никакой информации!

– Так те парни были твои соглядатаи?

– Разве можно ходить в такие места одному? – прошептала Ада, и я впервые увидел в глазах робота слезы.

Я знал, их экзокринная система почти неотличима от людской, но... Просто как-то не доводилось раньше.

– Пойдем. Пойдем домой. Я тебя уложу, выпью чаю... И мне надо будет еще раз уйти.

– Ты обещал объяснить все, – цепляясь за меня, нервно потребовала Ада.

– Да... да. Только налей чаю, я тебя умоляю. Просто с ног валюсь...

* * *

Час спустя пришло сообщение от мастера Си: лицензия готова. Я съел полпротивня холодной запеканки, выпил чашку сладкого кофе и поставил Аду заряжаться – без меня она не смогла толком выставить настройки, и теперь, хоть и подняла заряд, маялась головной болью.

– А еще двоится в глазах, – пожаловалась робот.

Я никогда не встречал такого синдрома неверной зарядки. Со страхом подумал, что, может быть, это еще одно последствие катийской сборки. Даже если мне удастся отстоять Аду... Что будет дальше, что вылезет еще? Сможет ли она вообще нормально функционировать – через месяц, через год? Через десять лет?..

Я уложил Аделаиду и несколько минут сидел рядом, глядя ее по руке.

– Когда Вадим проверял твои схемы, она обнаружил... мелкую поломку. Это ерунда, но лучше починить. Если делать это через МФЦ, уйдет уйма времени, плюс налоги, плюс экспертизы... Я не хочу трепать тебе нервы, вот и купил нужную деталь через друзей. Это заняло чуть больше времени, чем я думал. Но все уже готово. Мне осталось только съездить забрать. Ты потерпишь? Сейчас я уйду, но к утру уже буду дома.

Аделаида послушно, встревоженно кивнула. На прощание, заглядывая в глаза, спросила:

– Ты ведь осторожен, правда? Ты ведь знаешь, что за шопами, где нелегально торгуют деталями, следят соцслужбы?..

Я кивнул, быстро чмокнул ее в щеку.

– Все хорошо. Успокойся. Все будет хорошо.

Только выйдя из подъезда, я понял, как нелепо прозвучала эта фраза: «Я не хочу трепать тебе нервы». Я как будто забыл, что говорю с роботом.

* * *

Мы проскочили по нижней магистрали до первых пробок, и я действительно вернулся домой еще под утро. Вадим сунул мне антипохмельное и, бормоча, убрался обратно в салон таксокара. Я сжал блистер. Стараясь не делать резких движений, начал медленно подниматься.

...В последние пять часов мне повезло трижды: во-первых, я все-таки заполучил лицензию на Аду; мне пообещали, что утром ее индекс пропадет с особого учета. Во-вторых, со мной поехал Вадим: лазерные инструменты для нейронок

в ночных лавочках катийского рынка стоили куда дешевле, чем у официальных дилеров. В-третьих, когда на рынок нагрянул патруль, друг сообразил заскочить в кабаре и затащил меня следом – так мы отделались всего лишь штрафом за посещение запрещенного места.

Как только патрульные вышли из прокуренного, пропахшего благовониями зала, я дернулся следом, но Вадим крепко взял меня за локоть и процедил:

– Они сейчас второй волной пойдут по улице.

Надо выждать... Спокойно!

Он с силой усадил меня на глубокий бархатный диванчик. Музыка наяривала вовсю, голоса и грохот каблуков по сцене сливались в плотный, бьющий по ушам гул.

– У меня Ада одна дома...

– Да что ей будет!

– Ее индекс на контроле...

– Его снимут утром. Никто не придет за роботом ночью в субботу. А если ты сейчас высунешься и рванешь домой – живо накроют! Пойдем лучше, раз уж огребли, насладимся.

– А разве кабаре не закроют?

– С луны свалился, – вздохнул друг, скользя взглядом по стеклышкам барной стойки. – Если закроют, где будет отдыхать доблестный патруль?

Шла оперетка: тринадцать разукрашенных девиц прыгали на полукруглой сцене, и каждый раз выходило так, что хотя бы одна из них загораживала пышным хвостом середину. Костюмы были те самые, что я видел днем, – пестрые, блестящие, вызывающие.

К нам подошел официант; в пальцах сам собой очутился бокал – я не понял с чем; какая-то зеленая жидкость. На вкус она напомнила пойло мастера Си, но ударила в голову куда ловчее. Еще некоторое время я думал об Аделаиде, об индексах, о замещающих роботах, шелях и клапанах... А потом все внутри взорвалось, заискрилось, и мне стало интересно только одно: что же спрятано в центре сцены?

– Я доктор... Я роботный доктор... – попадая в мотив, но совершенно мимо слов затащил Вадим.

– Они так бережно закрывают середину. Там что-то есть?

– Я доктор... доктор...

– Ну... на сцене? В серединке?

– Я доктор...

– Ты пьяница!

– Я доктор...

Все мельтешило, тряслось, рябило. Темный неоновый зал заваливался набок; глотку забивал густой, мылкий и горячий дух, сквозь который пробивались нотки пива. Пустой бокал в моей руке сменился полным.

– Что спрятано на сцене? – заплетающимся языком спросил я у официанта. – Жемчужина спрятана?.. За хвостами?..

– Тум-ц-бара-бум-ц! – зарядили барабаны.

– Мсье о жемчужине балета? Вы увидите все в конце представления.

Так это у них балет?.. Вот как...

Конца представления я не дождался. Бокал наполнился снова, и сквозь цветное марево мне подмигнула одна из танцовщиц. Что же все-таки спрятано у них на сцене, что за такая жемчужина, успел подумать я и провалился в душистую жаркую пелену – до самого рассвета.

После искусственных розовых лепестков, блеска и тошнотворной сладости своды подъезда окатили приятной прохладой. Я медленно выдохнул из себя все эти пайетки, перья, гирлянды, запах разгоряченных тел – и нажал на кнопку звонка. Она отозвалась глухим резиновым чпоком: электричества не было.

Я дернул дверь. Она отошла легко, с привычным коротким шорохом. Внутри стояла тишина.

– Ада?

Молчание.

– Аделаида?

Сквозняк подогнал к моим ногам бумажку. Я нагнулся, поднял...

«Опечатано. Патруль Эмска».

«Ты ведь осторожен, правда? Ты ведь знаешь, что за шопами, где нелегально торгуют деталями, следят соцслужбы?..»

Они все-таки заподозрили что-то.

Они пришли.

Они пришли, а у Ады была просроченная лицензия.

А меня не было.

* * *

Царапины, – глядя в пол, проговорил Вадим. – Забирали наскоро, выключили и поволокли. Если бы она ушла сама, царапин бы не было.

– А если бы я был дома?

– Забрали бы вместе с тобой. Было бы хуже. А так только повестка придет.

– А Ада?..

47

– Выдадут новую.

– В смысле?

– Если робот портится, его забирают на утилизацию, а владельцу выдают заводской экземпляр. Ты проверь гарантийные документы. Там должно быть указано.

Новую Аду привезли, как только я уплатил штраф за содержание робота без лицензии. Уж это точно был настоящий сертифицированный робот прямиком с конвейера: ни скола, ни трещинки. Прекрасная молодая женщина. Спокойная, беспроблемная. Слово глубоко спящая – или недавно умершая.

Копия моей Ады.

Пока я усаживал ее в кресле, пока подключал на зарядку, пока снимал гарантийные пломбы на шее и за ушами, – билась ужасающая, оглушающая надежда: а вдруг все-таки она. Ада. А вдруг все-таки откроет глаза и скажет: не зови меня так. Зови меня Аделаида...

Она открыла глаза, и оказалось, что они не синие – ярко-голубые. Такие бывают у роботов, только-только сошедших с ленты.

– Добрый день, – поздоровалась она, выпрямляясь. – Меня зовут Аде... Аде...

Робот закашлялась. Я хотел похлопать ее по спине, но она покачала головой, справилась с кашлем и сипло договорила:

– Аделаида. Проблемы с речевым аппаратом. Это пройдет. Пожалуйста, загрузите ваше расписание и мои рабочие обязанности.

От нее пахло заводом: свежим пластиком и стандартным парфюмом.

Меня пробрала дрожь. Я дернул шнур и вытащил его из розетки. Аделаида-два медленно, совсем как человек, закрыла глаза. Аделаида-один тихонько попросила из глубин памяти:

– Не выключай меня больше. Это очень холодно – засыпать. У меня такое чувство... что... если отключат, я уже не включусь.

* * *

Я взял кредит и отправился по промышленным полисам – по всем пунктам, куда роботов сдавали на ребут. Еутов, Орлов, Осад, Алашиха. Ххимки, Нитищи, Юберцы... На втором десятке я сбился со счета. Перед глазами плясали приемные пункты и офисные конурки при цехах, голова гудела от грохота конвейеров, проникающего сквозь заслоны и стены. Бесконечной лентой убегала и убегала дорога...

– Сдалась она тебе? – в который раз спрашивал Вадим, нежно-салатовый от тряски.

Мы исколесили все Подэмсковье, но даже с его служебным пропуском все было безрезультатно. От Ады не было и следа.

Оставался последний пункт. В который нас не пустили – закрыто на перезапуск линии.

– Она тут, – заявил я.

От голода и долгой езды потряхивало. Я не был уверен, что говорю именно то, что думаю. Я уже сам не понимал, куда мы приехали и зачем. Огромные металлические ворота, блестящие на солнце; упершийся в них путь. Расплавленный асфальт под колесами, палящий полдень и пустота, пустота, пустота...

– Значит, ее просто еще не сдали. Или уже ребутнули. Дима. Ты пойми... Шанс, что мы ее найдем, что успеем перехватить до сброса настроек... Зачем она тебе? Давай я помогу собрать денег, купишь нормального замещающего робота. Помогу тебе его подстроить по-своему... Дима!

– Вот ты зачем со мной едешь? – вцепившись в руль, спросил я.

– Ты мой друг.

– Друг?..

– Безусловно. А она-то чего тебе далась?

– Безусловно, – пробормотал я и вжал педаль.

Вадим замолчал. Некоторое время он смотрел в окно – как проносились мимо трубы, градирни и стоянки, как мелькали, сходясь и расходясь, провода. Наконец повернулся ко мне. Велел:

– Сверни на нижнюю магистраль.

– Зачем?

– Поедем на катийский рынок.

– Опять?..

– Ты не в себе. Выпьем, расслабимся.

– Выпить можно и в другом месте.

– Поехали-поехали...

Я не заметил, как мы очутились в знакомом узком зале. В ладонь мягкой прохладой лег круглый изумрудный бокал. Официант предупредительно склонился, ожидая, какую выпивку я предпочту сегодня.

Жалюзи глушили свет, под низким потолком стоял сумрак, и со сцены снова неслась знакомая едкая оперетка. Снова мелькали пушистые павлиньи хвосты, розовые перья, обтянутые капроном ляжки...

Я залпом опустошил бокал и махнул, требуя еще. Танцовщицы все ускоряли темп, в какой-то миг сцена напомнила мне карусель – увешанная

огнями, вечно в движении, в скольжении и сиянии, без финала, без цели...

Я пил и пил. Окружающее давно потеряло фокус, вокруг плавали благостные цветные пятна, и единственное, что омрачало мир, – та тянущая пустота внутри, которую не заглушали ни таблетки, ни снеки, ни бокалы «Изумрудного дракона».

Вадим мычал, то и дело подталкивая меня в бок. Я подумал, что еще чуть-чуть – и я тоже завою «я доктор», не попадая в музыку и слова. Может быть, этого мне и надо.

В тот миг, когда я решил, что упиюсь вконец, Вадим дернулся и въехал мне локтем под ребра; грянул оркестр, выпитое рванулось наружу, я вскочил, и перья на сцене наконец разошлись, открывая моему взору...

Аделаиду.

Хмель слетел в момент. Это точно была моя Ада: я видел это по синим блестящим глазам, по ямочке у локтя, по тому, как она вздергивала губу. Она двигалась в танце совсем так же, как кружилась перед зеркалом, когда я примерял на нее новые наряды. Она улыбалась, глядя прямо на меня, и не узнавала.

– Ада! Это Аделаида! – закричал я, тряся Вадима.

– Я доктор, – нудил он, падая на пол.

Я бил его по щекам, плескал что-то в лицо...

– Эй, доктор! Проснись!

К нему уже бежали официанты – поднять, оттащить туда, где пьяный клиент протрезвеет, не смущая других посетителей...

На сцене творилась фантазмагория: гремел оркестр, яростно грохотали барабаны, сверкали прожектора, рассыпался мелкий блестящий бисер. Я ловил взгляд Ады, и внутри шипело и жгло, словно проглотил кислоты.

– Официант! – яростно шелкая пальцами, завопил я. – Официант! Кто тут отвечает за девочек? Мне понравилась танцовщица... Вон та... В центре, синеглазая!

– Это очень дорогая услуга, мсье, – прокричал официант, переключая музыку. – Вы должны обговорить это с хозяином заведения.

– Ведите меня к нему! – рявкнул я, хватая парня за накрахмаленный рукав. – Сейчас же! Любые деньги! Ну!

* * *

Вадим откатился от дивана, шлепнул кулаками по коленям и бросил:

– Подтерто начисто.

